

Эдуард Веркин

ДЕТЕКТИВ

ЛЕТНИЙ

ДЕНЬ
ПОВЕДИТЕЛЯ
ПИРАНИЙ

Расследования Феликса Куропяткина

Эдуард Веркин

День повелителя пираний

«ЭКСМО»

2008

Веркин Э. Н.

День повелителя пираний / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2008 — (Расследования Феликса Куропяткина)

Монстры. Они бросаются на жертву и вмиг разрывают ее на кусочки. Их зубы вонзаются в пятки беспечных купальщиков, они способны перекусить пополам самую мощную удочку... Пирании – так называются эти твари. Откуда южноамериканские рыбки взялись в холодной русской речке? Великий сыщик Феликс Куропяткин просто обязан разгадать эту загадку: ведь вот-вот начнутся соревнования пловцов. Призвав на помощь верную подругу, он начинает расследование...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эдуард Веркин

День повелителя пираний

Глава 1

АКАРИНА ПАРАЗИТОФОРМЕС БУХАНКИНУС

Тоска приложила бинокль к глазам и сказала:

– Вижу.

– Буханкин? – спросил я.

– Угу, Буханкин. Сеньор Гелий Буханкин собственной гадкой персоной. А на шее у него банка на веревке... с чем-то... Сейчас получше посмотрю.

Тоска принялась вертеть окулярами, фокусироваться. Я отвалился на спину, почесал пузо и стал глядеть в небо. А что еще делать на пляже приличному человеку? Только в небо глядеть.

В небе было хорошо. Сплошная термоядерная благодать. Ласточки мелькали, стрижи разные, самолет тянулся... Я привычно позавидовал пассажирам. Летят и горя не знают. А ты тут лежи, поджаривайся на солнце, изображай из себя свободноотдыхающего. И все из-за этого придурка Буханкина.

Провалился бы он в яму в какую-нибудь, что ли.

– Червяк натуральный, – сообщила Тоска, посмотрев в бинокль. – С глазками...

– Ну-ка, дай...

Тоска передала мне бинокль. Я всмотрелся в Буханкина.

Тощий Буханкин. Встрепанный Буханкин. Непричесанный Буханкин. Буханкин, явно перенесший в детстве рахит – нижние ребра довольно радикально заворачиваются к бровям.

Великий Буханкин. Бесноватый Буханкин. Яростный предводитель областных юных уфологов, искатель «Черного Принца», Несси, йети и других реликтовых гоминидов. Экзобиолог-любитель. Чудак-профессионал. Выдающаяся личность.

Выдающаяся даже без иронии – в позапрошлом году во главе группы единомышленников Буханкин погрузился на месяц в тайгу на предмет поиска южной границы Гипербореи¹. Отмеченной вросшими в землю пирамидами, стартовыми площадками гиперборейских ВВС (они же НЛО), странными железными спиральями, изготовленными неизвестно из какого материала, но при нагревании отпугивающими мышей, крыс и недобрых астральных существ.

Гиперборею, НЛО и странные спирали очередная экспедиция Буханкина не обнаружила по вполне определенным объективным причинам, зато ею был открыт эндемичный подвид энцефалитного клеща. Эндемик неосмотрительно набросился на предводителя уфологов, однако был им пленен в честном бою, ослеплен маслом и проткнут раскаленной булавкой. После чего научно-популярно описан, забальзамирован и отправлен в Российскую академию наук, где неудачливое насекомое идентифицировали. И пришли к выводу, что это на самом деле неизвестный доселе вид – *Acarina Parasitiformes Buchancinus*. *Buchancinus* – это, значит, в честь Буханкина. Клещ был внесен во все международные классификаторы, а самому первооткрывателю выдали официальное свидетельство.

По этому поводу в газете «Вестник речника» была напечатана статья Буханкина «Записки об экспедиции», в которой юный энтомолог рассказывал о трудностях научной работы в полевых условиях и условиях недостаточного финансирования.

¹ Гиперборея – мифическая страна «за северным ветром», якобы сверхцивилизация.

Фото гиганта науки с дипломом и увеличенным в сто раз чучелом клеща тоже в газете наличествовало.

Буханкин был знаменит.

А сейчас Буханкин чего-то вот задурил. И его мать просила, я бы даже сказал, умоляла меня понаблюдать за ее сыном. А вдруг он попал в дурную компанию? Раньше ведь он вроде бы не дурил...

Лично мое мнение было совсем другим, лично я считал, что Буханкин задурил давно, года в два от роду, но сердцу матери, как говорится, виднее. Мама Буханкина мне слегка знакома. Вернее, она знакома моей маме, они когда-то вместе работали. И вот буханкинская мать, наслышанная о нашем с Тоской маленьком предприятии, связалась со мной по телефону и попросила понаблюдать за сыночком. Сделать выводы. Составить отчет. Я согласился. От нечего делать.

Тоска тоже согласилась. Тоже от нечего делать.

И вот мы наблюдали за Буханкиным.

Буханкин на самом деле вел себя необычно. Раньше он все по лесам рыскал, искал гепатогенные зоны и следы энлонавтов. А сейчас его чего-то к воде потянуло, и уже почти три дня Буханкин лазил по берегам реки с различными рыболовецкими снастями. Но, что было странно, ничего не ловил. Бродил, смотрел, записывал что-то в блокнот.

Так что нам тоже пришлось поползть по зарослям шиповника и смородины – такова судьба скромного консультанта по общим вопросам.

Консультант по общим вопросам – это я. А Тоска – она моя помощница. У нас команда – я и Тоска, ну, мы людям помогаем иногда. Если вдруг что пропало, или происшествие странное, или кому-то помощь нужна, ну мы и помогаем. Неофициально. Сами себя мы называем громко – агентство «КиТ», это от Куропяткин и Тоска. Мне кажется, красиво. У нас вообще много приключений было, но рассказывать про них нет времени, так что я и не буду, прошу уж меня простить. Вернемся лучше к Буханкину.

К счастью, сегодня Буханкин по берегам не скакал, а направился напрямиком к городскому пляжу. И в данный момент бродил по широкой мелкой и заросшей водорослями протоке, примыкавшей к пляжу со стороны сенокосов. Чего-то там высматривал на дне, задумчиво морщился. На шее у него действительно болталась банка с водой и каким-то диковинным существом в этой воде. Я присмотрелся получше – а вдруг, чем черт не шутит, в банке у Буханкина томится самый настоящий пришелец негуманоидного типа? С какого-нибудь там Сердца Карла².

Но это был не пришелец.

– Это аксолотль, – сказал я.

Я вернул бинокль Тоске.

– Что еще за аксолотль?

– Ну, ты даешь, – зевнул я. – Совсем классику не читаешь. Аксолотль есть личинка амбистомы. С ацтекского переводится как «играющий в воде».

– Кого личинка?

– Амбистомы. Это такая ящерица. А аксолотль ее личинка. Кстати, ты не прослеживаешь некоторую символику – аксолотль и Буханкин, Буханкин и аксолотль?

– Прослеживаю, – тоже зевнула Тоска. – Буханкин в самом деле похож на ящерицу. Или даже на личинку.

– Нет, я к тому, что он тоже играет в воде. Как дитя какое-то просто. Тоже мне древний ацтек...

² Сердце Карла – звезда в созвездии Гончих Псов.

Я закрыл глаза, представил ацтеков, представил их пирамиды, тут же мне стали представляться вампиры, пиштако, чуакабры и другая латиноамериканская нечисть, и я с представлением завязал. Буханкин все-таки лучше, Буханкин роднее. К тому же клопа открыл, вернее, клеща. Гелий Буханкин – большой ученый.

– Копье зачем-то взял... – Тоска комментировала действия нашего подопечного. – Ходит с ним...

Я предположил:

– Вероятно, в протоку зашли гигантские...

Я задумался, кто же именно гигантский мог войти в столь мелкую протоку. А пусть:

– Гигантские водомерки-мутанты. Но наша российская наука на страже! И вот он уже тут, ее скромный солдат. На передовом рубеже, с острой наперевес, с пытливым умом, с дросселем...

– У него нет никакого дросселя, – возразила Тоска.

– У него внутренний дроссель. И вообще, твое дело не вступать в споры, твое дело наблюдать. Наблюдай.

Тоска возобновила наблюдение.

– Ходит... – докладывала она. – Смотрит. Копьем тычет...

– Грандиозная личность, – отвечал я. – Стоик.

– Жан Жак Руссо, – добавила не в тему Тоска. – Лупу достал...

– Чего? – не расслышал я.

– Увеличительное стекло, – уточнила Тоска. – Что-то в воде разглядывает. Что там может быть?

– Инфузории-туфельки, бычьи цепни, сальмонеллы, мотыль. Полезные существа, короче...

– Зачерпывает воду... нюхает...

– Совсем наш Буханкин ку-ку... – Я стряхнул песок. – С котлом окончательно раздружился... Стоит человеку открыть клопа, как он сразу впадает в манию величия. Как скучно все устроено... Клопооткрыватель...

– Завидуешь, – поддразнила меня Тоска.

– Чему завидовать? Подумаешь, таракана открыл. Плевал я на него. Плевал, плевал, плевал. Я говорю, с котлом раздружился...

На ногу Тоске уселась треугольная, похожая на французский истребитель строка. Тоска напряглась и стала медленно заносить над агрессором ладонь.

Главное, не упустить тот момент, когда строка растопырит челюсти и начнет вгрызаться. Чуть раньше – и она улетит, чуть позже – и выстрижет из тебя кусман мяса размером в квадратный миллиметр.

Хлоп!

Строка с добычей растворилась в воздухе.

– А когда он с ним дружился-то? – раздраженно ответила Тоска и потерла набухающий волдырь. – Надо его было в детстве лечить. Сейчас уже поздно... Слушай, у меня глаза заболели. Наблюдай за этим дурнем сам.

Тоска сунула мне бинокль.

Я стал наблюдать. Очень скоро, впрочем, мне надоело наблюдать за однообразным Буханкиным, и я переключился на окрестности. В окрестностях не было ничего интересного. Обычный пляж в будний день, народа не так уж много. Детишки бегают, то ли лагерь, то ли детский сад. В воду не лезут: воспитатели не пускают. Оно понятно, течение возле берега достаточно сильное, может запросто унести...

Задремал. Все это было так утомительно, что я задремал. Да и что с ним в этой луже случится...

– Вставай! – Тоска пихала меня в бок. – Вставай! Смотри!

Я проснулся и посмотрел. Буханкин вопил.

Его даже было слышно. Такое мерзкое мелкое верещание.

Еще Буханкин барахтался, поднимал волны и эти... сонмы брызг. Безумствовал, короче, по полной программе. Но видно было, что он не шутит. Что-то там с ним случилось, что-то неприятное, что-то, что его испугало.

– Что там с ним? – растерянно спросила Тоска.

– Судорога! Тонет, гаденыш! Тоска, камеру! Снимай его, снимай!

Я рывком вскочил на ноги и побежал к протоке.

Первооткрыватель клопа... пардон, клеща, однако, не тонул.

Не тонул. Подтверждая вековую мудрость, утверждавшую, что некоторые субстанции не тонут принципиально.

Он просто орал и бил руками и ногами по воде. Отчего создавалось впечатление, что Буханкин остро нуждается в помощи.

Я бежал, перескакивая через редких отдыхающих. Тоска попевала за мной, она тоже хорошо бегаёт, если захочет. До Буханкина я доскакал меньше чем за минуту. Тот бился недалеко от берега, метрах в трех. Он уже умудрился обмотаться водорослями и был похож на юного водяного, взбесившегося после укуса речной крысы.

Вода вокруг него не то чтобы кипела, но, во всяком случае, волновалась. Однако Буханкин поднимал такое количество брызг, что нападающих видно не было.

Тоска догнала меня и собралась было сигануть на выручку этому болвану, но я успел ее поймать.

– В воду нельзя! – рявкнул я. – Только с берега! И вообще, не лезь пока, лучше снимай! Это пригодится для вечности!

Тоска послушно направила на Буханкина видеокамеру.

– Помогите! – завизжал Буханкин, завидев нас. – Меня пожирают!

Что за идиот, подумал я. Вместо того чтобы всю рвать к берегу, сидит на этой дурацкой отмели и ждет, пока его не сожрут совершенно. Баран.

– Буханкин! – крикнул я. – Давай к берегу!

Но Буханкин ничего не слышал. Вернее, слышал, но не понимал, пребывал в панике. Мировая уфология уже готова была лишиться одного из своих самых ярких приверженцев, однако я спас ситуацию.

Огляделся. На берегу заводи валялись старые, оставшиеся с прошлогоднего или позапрошлогоднего сплава бревна. Я выбрал бревно поменьше и полегче, с трудом выковырял его из песка, затем по возможности с наибольшим бульком уронил в заводь. Звук получился громким, будто по воде хлопнули гигантским веслом.

Активность в воде немедленно стихла, Буханкин продолжал биться и бултыхаться, но орал уже не так громко, в меру орал.

– Завязывай, Буханкин, – сказал я. – Чудовищ нет, гребни на сушу.

Буханкин встал на четвереньки и быстро, очень быстро пополз к берегу. Выбрался на песок. Но с четверенок не поднялся. Так и стоял, с ужасом оглядываясь на заводь. Одежда его была изрядно потрепана, а открытые части тела кровоточили. Будто на Буханкина напала стая кровожадных пиявок. Стая водных строк.

– Что это? – спросила Тоска. – Что с ним?

– Не знаю... – Я осторожно заглянул в воду, в воде было спокойно. – Возьми его покрупнее, у него лицо весьма выразительное...

Тоска приблизила камеру к буханкинской морде, я продолжил рассматривать заводь.

Живности никакой не наблюдалось. Совсем. Обычно в таких местах полно всего. Плавуны, бегунцы, коловратки, дафнии, инфузории-туфельки так и снуют, кровь так и отравляют. А тут тишина.

Мертвая тишина.

А Буханкин живой.

– Слушай, Буханкин, – сказал я. – Тебе лучше, наверное, дуть в больницу. Прививки сделать. От разного... От бешенства, к примеру. Или ты делал уже? Иммунитет имеешь?

– Не делал...

Буханкин, покачиваясь, поднялся на ноги. Тоска продолжала снимать.

– Может, ты нам все-таки объяснишь? – спросила она. – Скажи пару слов телезрителям...

– Потом. – Я взял Буханкина за локоть. – Он нам все потом объяснит. Правда, Буханкин?

– Правда... – осоловело сказал уфолог. – Объясню...

– А сейчас тебе надо ехать в больницу, понял?

– Понял... Велосипед мне...

– Карету мне, карету, – сказал я.

Велосипед валялся тут же, в зарослях лебеды. Я поднял велосипед, сунул Буханкину. Он взял его, машинально забрался в седло и машинально покатыл в сторону города.

– Надо было расспросить хоть, – сказала Тоска и остановила запись.

– Расспросим. – Я поежился от солнца. – Светило разошлось что-то, надо собираться...

– Поедем сразу в больницу?

– Поедем вообще, – сказал я. – А там посмотрим в частности...

Мы выручили из песка мопед, растолкали его по тропке и медленно покатали вдоль по берегу, до трассы, там я прибавил скорости.

Я всегда чувствую, когда что-то начинается. На неприятности у меня чутье. И у них на меня, впрочем, тоже. И пока мы гнали по шоссе, я думал. Версий у меня было много, штук семь, наверное. Среди них наверняка была правильная. Правильная версия всегда есть. Надо только...

Упс. Доехали. До поликлиники. Быстро я, однако.

Устроились на скамейке напротив приемного покоя и стали ждать.

– Что мы предпримем? – спросила Тоска.

– Как что предпримем? Будем пока присматривать. А потом уже решим конкретно. Его мать просила нас что? Присмотреть за ее беспутным сыночком. А пока за ним врачи присматривают, нам за ним присматривать нечего. Или ты интересуешься?

– Да нет, не интересуюсь. Может, надо было с ним пойти? В больницу? Осуществить тотальный контроль?

– Брось, – отмахнулся я. – Сначала его будут обрабатывать спиртом, и он будет громко кричать. Ты любишь крики?

Тоска пожала плечами.

– Вот и я о том. Затем ему все-таки сделают на всякий случай укол от бешенства. В живот. Пятнадцатисантиметровой иглой. И Буханкин будет орать еще громче.

Тоска еще пожала плечами.

– Затем ему станут делать клизму, и это будет самое жестокое. Просто выпадение ядерных осадков какое-то...

– А клизму-то зачем? – удивилась моя компаньонка.

– Чтобы токсины из организма вывести, – ответил я. – И вообще. С общеукрепляющими целями. Ты хочешь посмотреть, как Буханкину будут делать клизму? Ты думаешь, в этом что-то есть? Я, конечно, не знаток...

– Дурак! Не нужна мне никакая клизма!

– Вот я и говорю, что не нужна. И вообще, продолжим, вернее, начнем нашу инквизицию.

– Чего начнем?

– Инквизицию. На самом деле это мрачное слово означает всего-навсего разыскание. Разыскание и никакого членовредительства.

Значит, начнем. Совсем этого гения не сожрали. Значит, все в порядке. В относительном. А в остальном... А в остальном сейчас проверим. Было ли где-нибудь что-нибудь подобное?

Я достал наладонник, запустил браузер.

Побродил по сайтам-шмайтам разным. Все больше по квазинаучным, таких целая куча. С серьезным, глубокомысленным видом, разумеется, бродил. Так и надо.

Полчаса серфа, довольно безрезультатного. Облазил некоторые наши ресурсы и несколько импортных. Ситуация вырисовывалась интересная. Нападение неизвестных маленьких водных хищников. Однако за прошедшее время в пределах Российской Федерации нападений на человека в воде не зарегистрировано. Забавно, забавно...

Ехал Грека через реку, видит Грека в реке рак...

Я спрятал машинку в карман.

Хмыкнул.

– И что? – спросила она. – Чего-нибудь нашел в сетке?

– Ну, – многозначительно сказал я. – Как сказать... Ничего не нашел. Но есть несколько любительских версий. Версия первая. Хилой плотью нашего друга прельстились водомерки-мутанты...

– Куропяткин, – укоризненно сказала Тоска, – не начинай, а? Я и так знаю, что ты парень остроумный и даже просто умный. Не надо меня в этом убеждать каждый раз. К тому же это уже было. Водомерки-мутанты, микроскопические касатки, я все это еще в детском саду слышала...

– Спасибо за комплимент. Но излагаю дальше. Если водомерки-мутанты отпадают, то, может быть, это миноги?

Тоска сделала непонимающее лицо. Непонимающее лицо ей так идет. Честно, идет. Тоска становится такой милой девчонкой.

– Ну, на него могли напасть миноги, – предположил я.

– Кто?

– Миноги. Это такие... Ну, что-то вроде водных змей. Они набрасываются на рыбу, присасываются к ней и высасывают всю, до костей.

Тоска брезгливо поморщилась.

– Буханкин не выглядел высосанным, – сказала она. – Он выглядел цветущим, даже несмотря на повреждения...

– Его даже миноги жрать не захотели, – пожал плечами я. – Миноги не жрут тарелочников, от тарелочников заворот кишок случается. На крайний случай большого голода они могут употребить экстрасенса или лозоходца...

– Понятно.

– Правда, такие миноги у нас не водятся, которые лозоходцев жрут. Так что миноги отпадают. Можно предположить, что это медузы. Некоторые виды вырывают специальными крючьями мясо из своих жертв, остаются мелкие, но очень болезненные следы. Медузы у нас, конечно, тоже не водятся, но их могло вполне занести сюда смерчем.

Я указал пальцем вверх.

– В последнее время не было смерчей, – сказала Тоска.

– Правильно. К тому же медузы не живут в пресной воде. Так что медузы – не наши клиенты. Пиявки... Пиявки присасываются и разрезают кожу, а не выкусывают куски мяса. Если бы на самом деле касатки... Хотя ни микрокасатки, ни микроакулы не подходят.

– Почему?

– И те и другие не выкусывают мясо. Они скорее вцепляются и отрывают. Для того чтобы выкусывать, челюсти должны быть устроены примерно так.

Я сложил кисти рук и продемонстрировал, как приблизительно должны быть устроены челюсти.

– Они должны быть маленькие и мощные, челюсти эти...

– Кто же это может быть?

– У меня есть идея, конечно...

– У меня тоже. Это, наверное...

Но я приложил палец к губам. Тоска замолчала.

– Об этом мы спросим потерпевшего. Я думаю, ему уже сделали все полагающиеся процедуры, я думаю, что он бодр и готов с нами побеседовать. Думаю, апельсины мы ему покупать не будем, не сдохнет...

Дверь хлопнула, и на крыльце появился Буханкин. Выглядел он неважно. Весь был заклеен маленькими кусочками пластыря и поэтому походил на мухомор. Впрочем, жизнерадостности Буханкин не растерял. Он весело сбежал по ступеням, киданул шишкой в белку-попрошайку, почесался, увидел нас.

Помрачнел.

Мы поднялись и не спеша направились к главному областному чудаку. Буханкин с независимым видом отошел и уселся на длинную скамейку, рядом с вечнобольными последние сто пятьдесят лет старушками. Мы тоже устроились со старушками, правда с другими, на скамейке напротив.

– Чего надо? – неприветливо спросил Буханкин.

– Ты нам ничего не хочешь сказать? – осведомился я.

– Хочу. Но здесь присутствуют дамы преклонного возраста, поэтому ничего говорить я вам не буду.

Старушки заинтригованно перестали обсуждать свои недуги.

Я спросил:

– А не скажете ли вы, дорогой мой космический господин, что вы делали сегодня примерно в два часа дня недалеко от городского пляжа? Да еще и с острой?

– Рыбу удил, – спокойно ответил Буханкин. – А что, рыбу у нас удить запрещено?

– Посмотрите на него! – сказал я. – Рыболов-любитель! Удил рыбу острой! Лучше бы работать устроился, а не маялся бы дурью понапрасну...

Старушки согласно закивали. Буханкин был равнодушен.

– Знаем мы, какую ты рыбу ловил, – продолжал я. – Рыбу... Да всем в городе давным-давно известно, что в реке завелся гигантский кальмар!

Буханкин презрительно плюнул. Старушки позеленели от любопытства.

– Да-да, – подтвердил я Тоске. – Гигантский кальмар. И сахар в связи с этим подорожает уже сегодня, к вечеру. На пять рублей!

Старушки дружно, всей стайкой вскочили со скамейки и поспешили к выходу.

– Ну что вам надо? – покривился Буханкин. – Чего вы ко мне прицепились? Мы же с вами раньше мирно жили, не пересекались...

– Что ты делал на пляже?

– Тонул я на пляже, – занервничал Буханкин. – Тонул...

– Ай-ай-ай, Буханкин, – укоризненно сказал я. – Зачем ты нас так жестоко обманываешь?!

– Нехорошо, – еще более укоризненно сказала Тоска. – Очень плохо...

– А зачем вы за мной таскаетесь? На видео снимаете... Вы больные?

Я его не услышал.

– Буханкин, как ты мог тонуть? Ты же не можешь утонуть. Такое, как ты, не тонет!

– Ладно, – сказал Буханкин. – Вы меня тут оскорбляете, надоели вы мне, я пошел домой. Сегодня у меня был трудный день...

– Ты нас принуждаешь к крайним мерам, – предупредил я.

– Расправой меня не запугать, – в голосе Буханкина прозвучала альдебаранская сталь. – К тому же у меня с собой Диск Воздействия...

– Мы не в палеозое, Буханкин, мы не будем тебя пытаться. И диск свой можешь себе... выкинуть. Антонина, будь добра.

Тоска извлекла из кофра камеру, отщелкнула экранчик.

– Продемонстрируй ему.

Тоска запустила воспроизведение.

Фильм получился удачный. Было зафиксировано все. Как Буханкин бился в воде, как жалко орал и вообще, выглядел непрезентабельно, недостойно для председателя тарелочного общества.

– Отличная фильма, – сказал я. – Назовем ее так: «Космос внутри», по-моему, хорошо, а?

– Прекрасно, – подтвердила Тоска.

– Вот здесь мне особо нравится, – сказал я. – Экспрессивный вариант. Где ты на карачках выползаешь на сушу... В Интернете куча сайтов, которые этим заинтересуются. Еще бы! Видный уфолог, научный работник, первооткрыватель энцефалитного клеща – и в таком непрезентабельном виде!

– Я думаю, мы отправим это на сайт Академии наук, – подыграла мне Тоска. – Пусть посмотрят на моральный облик своих лучших людей...

– Убедили, – свирепо сказал Буханкин. – Убедили, шантажисты поганые. Только не будем же мы беседовать здесь, в общественном месте. Поедьте ко мне домой. Поговорим по-хорошему, по-спокойному...

Мы согласились. Почему бы, собственно, и нет? В берлоге уфолога я еще не бывал.

– Только заходите через час, – Буханкин поглядел на часы. – Мне надо кое-куда забежать...

Глава 2

УЛИЦА ГОГОЛЯ

Буханкин проживал на улице Гоголя.

Улица Гоголя – это не окраина, но и до центра тоже далеко. Асфальта нет, старые, двадцатиметровые тополя, дома деревянные и одноэтажные, все в зелени. Середина двадцатого века, тишина, покой, хорошо. Собак только почему-то много. Простые собаки, неагрессивные, высовывают из-под заборов любопытные морды.

Раньше я никогда не был в гостях у Буханкина, я уже говорил. Как все здравомыслящие люди, я старался держаться от него подальше. Я всегда держусь подальше от ураганов, любой ураган может внезапно занести, к примеру, в район городских канализационных отстойников. Ураган может поднять из них всю эту ароматную субстанцию и потом весьма удачно вывалить ее на головы ни в чем не повинных наблюдателей.

Так же и Буханкин. Мог вывалить.

Никто в здравом уме и трезвой памяти не мог общаться с Буханкиным больше двадцати минут. Чтобы переносить Буханкина, надо было самому быть Буханкиным, а второго Буханкина существовать не могло. Два хорька в одной норке не уживутся.

Друзей, соответственно, у Буханкина не водилось. Наличие друзей, конечно, ни о чем не говорит, у меня у самого нет друзей (Тоска не в счет, девчонка не может быть другом в классическом смысле этого слова). Но я при желании могу с кем-нибудь задружиться, мне просто не хочется расходовать на кого-то свою нервную энергию, она мне еще пригодится. А Буханкин не мог ни с кем задружиться в принципе. Если доверять агентурным данным (Тоска опросила на улице Гоголя трех мальчиков от восьми до десяти), у Буханкина случилось три друга.

Примерно так.

Некто Боря, сосед. Дружил с Буханкиным восемь дней, после чего Буханкина поколотил и прекратил все контакты. Сей недружественный акт Боря объяснил тем, что через день после начала приятельских отношений Буханкин слишком часто стал называть его дураком и снисходительно смеяться. Боря терпел почти неделю, потом терпеть перестал.

Друг № 2, некто Цыпа, был тоже уфологом, но начинающим, не успевшим еще как следует закалиться в горниле бешеных вземных страстей. Они с Буханкиным отправились в одну из экспедиций в урочище Холуи, но вернулись очень быстро, буквально через день. Детали этого великого похода доподлинно неизвестны, однако из урочища друзья-уфологи вышли с некоторыми повреждениями на лицах. Видимо, между ними возник научный спор, в ходе которого ребята пустили в ход не только и даже не столько академические аргументы.

Последний друг Буханкина продержался гораздо дольше, практически месяц. Дружба закончилась стандартно. Буханкин и друг поспорили о перспективах аппаратного поиска вземных цивилизаций, Буханкин назвал друга ренегатом и пораженцем и сказал, что ему в уфологическом объединении «Русский Розуэлл» делать нечего. Извольте выйти вон.

Друг Буханкина обладал более продвинутой дюжестью, в возникшей схватке он одержал победу, Буханкин лишился двух зубов и некоторой доли самоуважения. Впрочем, обскуранта и Фому неверующего Буханкин из «Русского Розуэлла» все-таки изгнал с позором.

Вот такие вот обстоятельства.

Так что Буханкин был одинок.

Переносить Буханкина длительное время могли лишь другие такие же шизики: уфологи, охотники на снежного человека, лозоискатели, контактеры с вземным разумом планеты Зюйст и другие неумные личности, в прошлую пятницу свалившиеся с Луны.

Буханкинское жилище особой примечательностью не отличалось. Большой частный дом на окраине города, принадлежавший семейству Буханкиных лет сто, не меньше. То ли от этого, то ли от других тектонических сдвигов дом изрядно скосило набок. К этому скошенному боку была приделана небольшая избушка без окон и без дверей.

Буханкин обитал в ней. Видимо, биополе родственников воздействовало на него пагубно.

– Странно, – сказала Тоска по поводу избушки. – Окон нет. Почему, как думаешь?

– Все просто, – ответил я. – Буханкин опасается.

– Чего он опасается?

– Ну как чего? Что Мегатропер – император планеты Зюйст, подмявший под себя большую часть обитаемой Галактики, просканирует его мозг ментальным триггером. Поэтому окон и дверей нет. Не удивлюсь, если он еще и стены фольгой облепил...

Все это я сказал нарочито серьезно. И так же серьезно – я даже не понял, поверила она или нет – Тоска спросила:

– Зачем?

– Что – зачем? – не понял я.

– Зачем ему сканировать мозг Буханкина ментальным триггером? Неужели в нем что-то есть? В мозгу, я имею в виду.

– Вот ты его об этом и спроси, – сказал я.

И дернул за проволоку. Внутри безоконного строения бамкнул колокол.

– И что? – спросила Тоска.

– Ждем-с, – ответил я.

Ждать пришлось недолго, через минуту в потолке строения откинулся люк.

– Лестница сбоку, – послышался негостеприимный голос. – Влезайте...

Я отыскал лестницу, приставил к избушке. По лестницам джентльмены поднимаются первыми – этикет-с, поэтому я первым и полез.

– А зачем нужна фольга? – продолжала любознательничать Тоска.

Я запрыгнул на крышу, протянул Тоске руку.

– Милый друг, – сказал я проникновенно, – сколько раз говорил тебе, что надо читать преимущественно познавательную литературу. На крайний случай фантастику. А ты читаешь только про поцелуи, про принцев да про кронпринцев...

– Не жлобствуй, Куропяткин, а? К тому же про принцев я не читаю уже давно...

– А если не жлобствовать, то каждый уважающий себя спирит и уфолог знает, что фольга не пропускает торсионное излучение³.

Лепи фольгу на стену – и никакой Мегатропер твой мозг не просканирует.

– Какое еще излучение?

– Хорош болтать, детективы, – буркнул снизу Буханкин, – залезайте уж.

Я спустился в буханкинскую берлогу, помог спуститься Тоске.

Мы огляделись.

– Ого, – сказала Тоска. – Тут целая резиденция...

Я улыбнулся и похлопал по стене. Я оказался прав. Изнутри стены хибары были довольно неаккуратно оклеены фольгой. Так что казалось, будто ты находишься не в жилище человека, а внутри лимонадной банки. И пахло у Буханкина тоже так, по-лимонадному как-то.

Первая вещь, что бросилась мне в глаза после фольги, – широко известный по широко известному же сериалу плакат: накренившееся НЛО над лесом и надпись, уверяющая, что надо только верить, а все остальное срастется. Редкий плакат, но у предводителя «Русского Розуэлла» такой плакат должен наличествовать.

– Ну, Буханкин, – я плюхнулся на койку, – проведи экскурсию, однако...

³ Торсионное излучение – излучение, с помощью которого якобы можно воздействовать на мозг.

– Я думал, вы по делу...

– Это и есть по делу, – соврал я. – Нам очень важно составить твой психологический портрет.

– Зачем? – насторожился Буханкин.

– Затем, чтобы определить...

Я не знал, что определить. Выручила Тоска, молодчина:

– Чтобы определить степень твоей виктимологической конвергентности.

Не знаю, что такое «виктимологическая конвергентность», но Буханкина это объяснение удовлетворило. И он провел краткую экскурсию по своему жилищу.

Мы внимали.

Кроме американского полиграфического раритета, в обиталище Буханкина имелось много интересных вещей.

Имелся метеорит, купленный Буханкиным на последние деньги на одном из интернет-аукционов. Метеорит был похож на обычный ноздреватый булыжник, но Буханкин уверил, что это не просто булыжник, а часть взорвавшейся звезды из созвездия Лисички.

Имелся (тоже купленный на последние деньги) сертификат на восемь акров поверхности планеты Меркурий.

– Меркурий ближе всех к Солнцу, – пояснил Буханкин. – Там гигантские залежи гелия-3. Одной чайной ложкой гелия-3 можно весь год отапливать наш город.

Имелся автограф Рея Брэдбери. Его, правда, Буханкин не показал, заявив, что автограф для него слишком ценная ценность и хранится в особом месте. Показывать же кому попало он его не намерен.

Об обширной коллекции специализированной уфологической литературы, видеозаписей с достоверными съемками летающих тарелок и свидетельствами очевидцев, специальных дисков с фантастическими фильмами и говорить нечего. Их было в избытке.

Была картотека, в которую Буханкин скрупулезно заносил все необычные явления, случившиеся в нашей области и в областях сопредельных.

Был прибор, позволяющий детектировать пришельцев в заданном объеме пространства. Больше всего прибор был похож на вантуз с лампочкой.

– Если лампочка загорается – то вы пришелец, – объявил Буханкин.

Навел этот вантуз сначала на меня, затем на Тоску, лампочка не загорелась, мы оказались самыми кондовыми землянами. Буханкин был разочарован, впрочем, не очень.

Самое почетное место в этой кунсткамере занимало свидетельство РАН об открытии Буханкиным клеща и присвоении этому клещу имени открывателя.

Да, еще был аквариум. С давешним аксолотлем. Аксолотль лениво перебирал своими мерзкими лапками и пучил глаза.

Буханкин устроился в кресле под дипломом, закинул ногу на ногу и с чувством объявил:

– Давно хотел тебе сказать, Куропяткин, – ты профанатор и мракобес! Твои методы отдают серой!

Тоска хмыкнула в кулак.

– И нечего хихикать. – Буханкин был совершенно серьезен. – Ничего смешного. Я собрал тут кое-что...

Буханкин наклонился и извлек из тумбочки папку подозрительного желтого цвета. На обложке папки красовался черный мультяшный кит.

– Тут все про вас, дорогие мои. Кто владеет информацией, тот владеет миром. Итак, в две тысячи... не будем называть конкретных дат, в две тысячи таком-то году вы организовали псевдоагентство «КиТ», что, видимо, означает Куропяткин и Тоска? Остроумно, весьма остроумно. Только лучше бы вам назвать ваше бюро не «КиТ», а «ТиК». Тик!

Буханкин мелко задрожал и перекошил физиономию как бы в тике.

Тоска фыркнула и скопилась на меня. Я пожал плечами. Подумаешь! Стереотипы мышления.

– И за время своей деятельности вы много чего наворожали! – рассказывал Буханкин. – Масштаб вашей черной практики грандиозен! И большая часть ваших приключений мне известна...

– Послушай, ты, контактер вшивый, – сказал я. – Избавь нас от своей паранойи! Иначе ты меня разозлишь. И я тебя в Интернет вставлю! И еще по морде!

Я был миролюбив, как старик Кофи Анан⁴.

Буханкин спрятал желтую папку и достал красную.

– Правильно, – кивнул я, – давай о деле.

– О деле так о деле, – быстренько перестроился Буханкин. – В последние полтора месяца в нашем городе отмечаются необъяснимые явления...

Начало было многообещающим, но не оригинальным.

– Итак, в нашем городе происходит странное. Вообще-то, в нем всегда происходит странное, это потому, что он стоит на разломе геологических платформ, через миллион лет тут будет океан...

– Я слышал, что через миллион лет океан будет в районе Байкала, – сказал я.

– Там тоже, конечно, будет, – заверил Буханкин, – но и здесь... Короче, странности у нас регулярно происходят. И я, как руководитель добровольческого объединения «Русский Розуэлл», должен на эти странности реагировать. Вообще-то, я такой ерундой не занимаюсь, моя организация...

«Как ласкает слух словосочетание «моя организация», – подумал я. – В нем есть что-то масштабное, отдающее площадями и факельными шествиями... Впрочем, отвлекся».

– Моя организация не занимается подобной чепухой, и я не стал подключать ее ресурсы и своих людей к решению этой, больше чем уверен, пустяковой проблемы...

Мы с Тоской переглянулись. Перед нами сидел не мелкий придурок Буханкин, перед нами сидел Гелий Исидорович Буханкин, серьезный руководитель среднего звена, политический деятель областного масштаба. Молодой человек с определенными перспективами.

– Поэтому, чтобы сохранить секретность и не вызывать паники у населения и излишнего ажиотажа, я взялся за расследование персонально, не привлекая к нему возможностей моего объединения. К тому же этому была и другая причина – первое нападение свершилось в отношении моего брата Радия...

«Ну и семейка, – подумал я. – Один Гелий, другой Радий, не хватает сестры Сурьмы и младшенького Дубния⁵. Дубний Исидорович – это мощно».

Буханкин заглянул в папку:

– Первое нападение случилось пятнадцатого июня, почти месяц прошел. Пострадавшим стал мой брат, как я уже говорил. Радий.

Буханкин зачем-то предъявил фотографию брата. Радий на Гелия был не похож.

– Он отправился искать круглую белую гальку для дорожки и заодно взял удочку половить ершей. И на него произошло нападение, – рассказывал Буханкин. – Он уронил в речку ножик и попытался его из воды достать. В результате на руке обнаружилось три укуса.

– Может, это ерши? – предположила Тоска.

– Ерши – не хищная рыба, – сказал Буханкин. – Укусы были достаточно глубокими, но по размерам небольшими. Я измерил их – три миллиметра.

– Не ерши, конечно, – сказал я. – Но, может, тогда щурята?

– Нет, – однозначно ответил Буханкин. – Это никакие не щурята. Все гораздо сложнее...

⁴ Кофи Анан – Генеральный секретарь ООН.

⁵ Гелий, Радий, Сурьма, Дубний – элементы периодической системы Менделеева.

Буханкин принялся расхаживать по комнате с задумчивым видом.

– И вообще, едва я увидел эти укусы, я сразу понял, что столкнулся с серьезной проблемой. Я понял, что тут не все чисто. И стал собирать информацию. У нас в обществе многие любят рыбу ловить, это способствует здоровью и просветлению духа. И многие рыбаки рассказывают, что ловятся какие-то мелкие рыбешки с зубами. Сантиметра в четыре. Один чувак мелкий в заводи наловил таких рыбок – на целую стаю наткнулся. Так за час три килограмма натаскал, почти ведро целое пластиковое. Он сначала подумал, что это караси такие, притащил их домой, высыпал в таз. Думал кошку накормить, дурила зеленая. А кошка его ждала на крыше. Ну, этот чел пошел пока борщ трескаться, а кошка прыгнула от жадности прямо в это корыто, думала хорошенько полакомиться. Пожрать думала.

Буханкин счастливо рассмеялся.

– Они ее сами сожрали. Как кинулись разом, она как заорет. Выскочить успела, впрочем. Так они ее даже на суше сожрали. Подчистую! Сожрали и засохли без воды. А их потом другие кошки сожрали. Круговорот еды в природе. Этот дурень вышел, морда в борще, а на земле один скелетик лежит. Такая вот история.

История была интересная и поучительная, мне понравилась. Правда, я боялся, что Буханкин ее сам только что выдумал. Впрочем, может, и нет.

– Мне удалось также узнать, что покусы случались и раньше. Рыбаков в основном кусали. Одну тетку покусали, она простыни полоскала. Но самих нападающих не видели. Говорили о шустрых рыбках, вот и все. Еще говорили, что рыба ловиться стала хуже. В сети почти ничего не попадает, даже мелочь. На донки рыба перестала брать, одним словом, целый комплекс тревожных сигналов.

– На купающихся нападали? – поинтересовался я.

– Нет вроде... У купающихся я не спрашивал. Но если бы нападали, то, наверное, было бы уже известно. На пляжах народу полно, так что про купающихся не знаю...

– А доказательства? – спросил я. – Какие-нибудь вещественные доказательства есть? Я ведь, Буханкин, пока летающую тарелку не потрогаю, ни за что в нее не поверю.

Буханкин кивнул:

– Законное требование для таких, как вы. И могу на него ответить адекватно. Несколько дней назад мне удалось познакомиться с предметом своих изысканий воочию. Вот.

Буханкин раскидал по койке фотографии. Мы с Тоской принялись их рассматривать.

– Поймал? – спросил я. – Ты их поймал?

– Я не рыбак, – серьезно ответил Буханкин. – Я ученый. Я обратился к этому, у которого кошку сожрали, он поймал мне пять штук. Ну, как вам?

Рыбки. Зеленоватого цвета. Оранжевые брюшки в крупную голубую крапинку. Где-то я видел уже этих рыбок. Неприятные, хотя и небольшие. В пол-ладошки. На одной из фотографий эта ладошка имелась – Буханкин сжимал бока рыбки, и она открывала густо усаженную мелкими треугольными зубами пасть.

– Какие зубы... – протянула Тоска. – Разве такие рыбки у нас водятся?

– Не водятся, – согласно кивнул Буханкин. – Такие рыбки у нас не водятся, это верно.

Мне стало неприятно. Мне показалось, что я узнал эту рыбку.

Гелий Буханкин торжествующе усмехнулся:

– Я отправил фото в Академию наук, ихтиологам, у меня там связи.

Про связи Буханкин сказал с должным самоуважением. Незаметно я опустил руку в карман и задействовал диктофон наладонника.

Буханкин выдерживал паузу.

– Ну, и кто это? – нетерпеливо спросила Тоска.

Буханкин не отвечал.

– Ну? – спросил я, когда пауза затянулась уже до неприличия.

– Это пираньи, – замогильно сказал Буханкин. – Пираньи.

– Какие пираньи?! – Тоска разглядывала фото. – Ты что, Буханкин? Какие у нас пираньи?

– Непростые пираньи, – ответил Буханкин. – Они похожи на обычных, но несколько отличаются. Удлиненное тело, серповидные плавники.

Буханкин сказал:

– Мне ответили, что, скорее всего, это какой-то доселе неизвестный науке вид. И я его первооткрыватель.

Я мысленно схватился за голову. Акарина Паразитоформес Буханкинус еще куда ни шло, Пираниа Карпозубус Буханкинус – это был все-таки перебор. Если это окажется правдой, Буханкинус загордится окончательно. На последние деньги приобретет очень много бронзы и переплавит ее в памятник самому себе.

– Ихтиологи обещали помочь, – сказал Буханкин. – Сделают генетический анализ, ответят через пару месяцев. Потом еще некоторое время понадобится на внесение изменений в каталоги...

– Буханкин!

– Хорошо, хорошо, к делу. Какие у вас идеи по этому поводу?

Вообще я человек критического восприятия мира. Поэтому я сразу заметил логическую брешь во всей этой буханкинской конструкции. Я даже подумал, а не разыгрывает ли нас этот криптоихтиолог? Может, это он сам себя покусал? Понаставил себе повреждений, а потом... Зачем только все это ему понадобилось?

– Первая моя идея такова. Почему на тебя они напали, а на купающихся неподалеку нет?

Тоска похлопала в ладоши. Но Буханкин был подготовлен ко всему.

– Я думал над этим, – злобно ответил он. – Пока мне делали уколы от бешенства, я анализировал. Анализ – вот инструмент ученого, а уколы весьма обостряют аналитические способности. И вот что я придумал. На меня и на всех остальных нападение было совершено на относительно мелководье. А городской пляж находится в глубоком месте. Берег крутой опять же. Им там просто неудобно держаться – течение слишком быстрое, сносит. И растительности нет, негде спрятаться. Вот ответ. Вот почему на пляжах никого не покусали.

«Неплохая версия, – подумал я. – И скорее всего достоверная».

– У тебя карта есть? – спросил я.

– Карта? Есть. А зачем?

– Доставай карту.

Буханкин полез под тумбочку. Извлек портфель. В портфеле было много разнообразных карт.

– Лучше бы километровку, – сказал я. – Чтобы каждый ручеек был виден...

– Сам знаю, – ответил Буханкин. – Но километровки нет.

Буханкин достал карту, приладил ее на стену. Карта была примечательная, раньше я таких никогда не видел. Реки, дороги, леса, деревеньки, наш город. И в разных местах этой карты были изображены весьма необычные штучки.

Маленькие значки, похожие на летающие тарелки, какими их рисуют дети.

Знаки вопроса в кружочке.

Восклицательные знаки в квадратике.

Весь район был просто испещрен этими маленькими тарелками, знаками вопроса в кружочке и восклицательными знаками в квадратике. Я поразился – никогда не мог подумать, что в нашем районе происходит такое количество контактов с внеземными цивилизациями. А оказывается, происходит.

– Пришельцы среди нас, да, Буханкин? – спросил я.

– Это не так смешно, как может показаться. – Буханкин покраснел. – Но об этом мы потом побеседуем...

– Ну, конечно... Пиранья, – я почесал подбородок, – пиранья обитает в Латинской Америке...

– Угу, – кивнул Буханкин. – Бассейн Амазонии.

Мне стало грустно. Латинская Америка, бассейн Амазонии, вампиры, пиштако, чупакбры, морские свинки... Чего меня туда все тянет, а?

– Я извлечение подготовил, кстати, – сказал Буханкин. – Для тех, кто интересуется.

Он достал из красной папки извлечение и раздал листки мне и Тоске.

В извлечении содержалась информация о пираньях.

Длина их может быть до 23 дюймов, да уж, почти полметра, хорошие рыбки, милые. Наукой изучено более пятидесяти разновидностей, а сколько не изучено – неизвестно. Зубы большие и острые. Треугольной формы. Неприхотливы, выносливы, безжалостны. Стая пираний легко снимает мясо со взрослого быка. Чуют каплю крови за несколько километров в воде. Ну и так далее...

– Обратите внимание на последний пункт, – сказал Буханкин.

Я обратил внимание.

Последний пункт был не очень. Последний пункт обещал веселые перспективы.

– Но ведь пираньи обитают в тропиках, – растерянно сказала Тоска. – В теплой воде...

– Похожие на этих пираньи обитают в высокогорных районах, в озерах с талой водой, – сообщил Буханкин. – При низких температурах.

Тоска посмотрела на меня.

– Ты хочешь сказать, что эти пираньи могут обитать... В нашей реке?

– Ты поразительно догадлива, дорогуша, – ухмыльнулся Буханкин. – И они не могут обитать, как ты изволила выразиться, они уже вполне обитают!

– Я тебе не дорогуша, – отбрила его Тоска. – Называй меня Тоня.

– Ес, мэм, – Буханкин щелкнул пятками. – А эти тварюки плавают в нашей речке. Кстати, я их там и ловил. Когда они на меня набросились. А вообще, если уж вы пришли сюда, ко мне, то мне хотелось бы знать, что вы по этому поводу думаете? А?

Глава 3

КАРАВАЙ ДЛЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Тоска поглядела на меня. Я поглядел на метеорит. Небесный булыжник был безмолвен. Кстати, довольно крупный каменюка, что выдает его вполне земное происхождение. Насколько я знал, метеориты в Интернете продавались по тыще рублей за грамм, так что на приобретение подобной вещицы у Буханкина вряд ли были деньги. А этот звездный посланец, скорее всего, был приискан на щебневом карьере в районе Старого Совхоза. А после приискания Буханкин выварил его в машинном масле и прокалил паяльной лампой. Вот и весь метеорит.

– Вы, господа, – Буханкин обвел нас своим вечно горящим взором, – вы, насколько я понимаю, практики. Вот и дайте несколько практических советов. Ну, раз уж вы вообще влезли в это дело...

– Мы тебе жизнь спасли, между прочим, – сказала Тоска.

Буханкин покривился и бегло осмотрел свои повреждения.

– Если это и на самом деле пирания, то они могли тебя и совсем сожрать, – подтвердил я. – Один скелет бы остался. А какое к скелету уважение? Скелет не может быть предводителем серьезного научного сообщества.

Этот аргумент убедил Буханкина. Он немного помолчал, затем сказал подходящим значительным голосом:

– Безопасность города под угрозой.

И я увидел. И было мне видение.

Статья «Он спас город» в газете «Вестник речника». С фотографией, само собой, Буханкина. Буханкин в профиль, спасенные и безмерно благодарные мешчане на заднем плане.

Передача по местному телевидению под названием «Скромный герой». С участием опять же старшего офицера объединения «Русский Розуэлл».

Вручение губернатором (естественно, при большом стечении народа) медали «За заслуги перед Малым Отечеством». Вручение опять же нашему другу.

Публикация в научном журнале («Наука и жизнь», «Нэйшнл Джиографик»... Буханкин еще не определился).

Кандидатская диссертация. Это, конечно, в будущем. Но вполне обозримом.

В будущем не совсем обозримом виделись Буханкину улица его имени в родном городе, площадь (тоже отнюдь не безымянная), а на площади скромный монумент (про него я уже говорил). Он, Буханкин, в бронзе. Кольчуга, крылатый шлем, в руках меч. Буханкин смотрит вдаль и думает о судьбах. Руководство произносит речи, молодожены возлагают цветы к подножию. Красота.

Все это (с большой долей вероятности) нарисовалось в воспаленном воображении Буханкина. И для того чтобы все это приобрело признак реальности, надо-то было всего ничего.

Разгадать загадку пираний.

– Безопасность города под угрозой, – повторил Буханкин все так же пафосно. – Между злыми тварями и беззащитными гражданами, женщинами, стариками, детьми – стоим мы!

– Это точно, – покивал я. – Мы на страже всегда. Ловцы, так сказать, в овсе...

Тоска не поняла, эрудированный Буханкин мелко и гадко захихикал.

– Теперь изложу план действий. – Я снял с полки метеорит и принялся его подкидывать. – И настоятельно прошу меня не перебивать. Перебитый я грозен, правда, Тоска?

– Точно, – подтвердила моя компаньонка.

– Осторожнее с артефактом! – пискнул Буханкин.

– Это не артефакт, – поправил я. – Артефакт – это продукт культуры, а это просто камень...

– Неважно, – сказал Буханкин. – Излагай план...

– Значит, действовать будем так, – сказал я. – Для начала примем как непреложную истину то, что в нашей реке завелись пирании. И, судя по наблюдениям нашего проницательнейшего друга Буханкина, эти пирании растут. За наблюдаемый период времени они увеличились в два раза. Приспособились, значит, к нашим условиям. Задача такова – установить очаг распространения инфекц... то есть пираний. Установить, а затем локализовать. Для этого предлагаю провести следующие оперативно-розыскные мероприятия. Во-первых, надо проверить рыбозавод...

– Какой рыбозавод? – удивился Буханкин.

– В нашем городе есть рыбозавод. Где разводить пираний, как не на рыбозаводе?

– С какой целью? – сразу же спросил Буханкин.

– В мотивировке будем потом разбираться. Главное – проверить. Итак, рыбозавод – объект номер один. Объект номер два – вернее, субъект номер два – рыбак Селиванов.

– Зачем? – посмотрела на меня Тоска.

– Он же псих, – сразу же сказал Буханкин. – Самый настоящий псих, самый закоренелый! У него жуткая мания! Он ловит рыбу и выпускает ее назад, в реку. Ловит и выпускает. А крупным экземплярам ставит метки с проклятиями...

– С проклятиями? – удивилась Тоска.

– Угу. Берет консервные банки и разрезает их на полоски. А на этих полосках гравером пишет: «Если ты поймал этого голавля, выпусти немедленно! Или будешь проклят проклятием Черной Варвары!» И эти полоски в жабры вставляет. Каждого налима в реке знает в лицо. В морду то есть... Он даже в Новый год на рыбалку ходит...

– На Новый год ходит, а почти две недели у реки его не видно, – вставила Тоска. – Мне брат сказал.

– Может, заболел, – предположил я.

– Психи не болеют, – заявил Буханкин безапелляционно. – Только зачем его опрашивать?

– Психи как раз наиболее чувствительны к разным необычностям, – сказал я. – Так что с ним поговорить стоит. К тому же раз он каждую рыбу персонально знает, то наверняка в курсе...

– Я к психу не пойду! – немедленно заявил Буханкин. – Я психов просто не переношу...

Я хотел сказать, что если Буханкин не переносит психов, то как тогда он умудряется быть предводителем целой психической банды. Но взял себя в руки, успокоился.

– Я к психу не пойду, – повторил Буханкин. – Психоз заразен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.